

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ III

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1928

Жизнь Сахдоны.

(Из истории несторианства VII века).

Основной рукописью, содержащей сочинения Мартирия Сахдоны является Страсбургская рукопись I/E.¹ Впервые она была описана проф. Генрихом Гуссенем, который присоединил к этому краткую справку о биографии Сахдоны, указал на его православие и перевел несколько отрывков его сочинений.² Целиком эта рукопись была издана Беджаном.³

Эта Страсбургская рукопись содержит «Книгу совершенной жизни (поведения)», пять писем и советы мудрости. Эти последние обрываются на середине шестого изречения, так как рукопись не имеет конца.

В Публичной Библиотеке находятся два пергаменных листа (Сирийская новая серия № 13), которые, как мы в этом убедились, являются концом Страсбургской рукописи.⁴

Пергамен, размером 29 × 22 см (Страсбургская рукопись 30 × 22 см), исписан в две колонны от 37—39 строк (Страсбургская рукопись также колеблется в числе строк, круглое число 38), прекрасной четкой эстрангелой — все эти данные совпадают со Страсбургской рукописью. Приписка сделанная скорописью, мелкими буквами, указывает, какому сочинению первоначально принадлежали эти листы:

«Окончено писать книгу совершенного поведения вместе с пятью письмами и советами, которые сочинил святой и боголюбивый Мартирий

¹ В Парижской рукописи (Anciens fonds 145, 1492—1493 года) имеется арабский перевод одного письма Сахдоны и отрывок из более крупного сочинения. Некоторые отрывки имеются в рукописи, значущейся в каталоге K. W. Hiersemann 487 № 255a 8/9 Jahrhundert. 1°. См. Baumstark, Geschichte der syrischen Literatur. Bonn. 1922.

² H. Goussen, Martyrii Sahdona's Leben und Werke. 1897. (34 + XX Lith.).

³ Bedjan, S. Martyrii, qui est Sahdona, quae supersunt omnia. Parisiis. 1902.

⁴ Указание, имеющееся в кратком перечне Петербургских рукописей в Oriens christianus 1926, № 1, что эти листы являются концом Страсбургской рукописи, восходит к нашему заключению, сообщенному Гуссеню проф. В. Н. Бенешевичем.

(Mar-Toris), да будут его молитвы и мольбы со всем собранием верующих» (fol. 2^a col. I).

Перечисленные тут сочинения составляют как раз содержание Страсбургской рукописи. Последние советы духовного познания, которые обрываются в рукописи на 6-м, находятся в этих листках от середины 18-го до 38 изречения (fol. I). Таким образом совпадает не только материал, размер, число строк, характер письма Страсбургского манускрипта и листов Публичной Библиотеки, но и их содержание стоит во взаимной зависимости. Уверенность в том, что листы являются действительно концом этой рукописи, укрепляется следующим обстоятельством. Приписка в Страсбургской рукописи fol. 134^r и запись писца в конце Петербургской рукописи fol. 2^a col. II принадлежат одному и тому же лицу:

Приписка в рукописи приведена как Гуссеном,¹ так и Беджаном;² она гласит:

«Ради нашего господя! тот, кто будет читать в этой книге, помолись за авву Сарги из Эдессы, чтобы милость была его душе и всякому, кто с ним связан словом или делом. Аминь и аминь».

В листках Публичной Библиотеки переписчик именуется так же аввой Сарги (fol. 2^a col. II).

«Потрудился и написал это духовное сочинение по дару божию и усердию, которые дал бог в его руки, авва Сарги монах, бар Саргис для пользы. . . . и всего церковного общества».

Таким образом не остается уже сомнений в том, что рукопись и листы Публичной Библиотеки должны составлять одно целое. Этим дана возможность датировать рукопись Сахдоны, так как листы Публичной Библиотеки содержат дату и место написания рукописи (Гуссен предположительно относит ее к VII или VIII в.) fol. 2^a col. I: «Окончена эта книга в месяце Адаре, 16 этого месяца, в четверг, в городе Эдессе, христоролюбивом и благословенном, в год 1148 Александра сына Филиппа Македонского, в индиктион *πέντα καὶ δεκάτα* по счислению нотариев и прочих грамматиков».

Таким образом рукопись написана в Эдессе 16 марта в год 1148 македонской эры, т.-е. в 837 г. нашей эры, который падает действительно на 15 индиктион византийского счисления. Переписчик монах Сарги из Эдессы был не чужд греческому, он пожелал сопоставить дату со счислением нотариев и грамматиков; самое число индиктиона является только

¹ H. Goussen, o. c., p. 6.

² Bedjan, o. c., p. XII.

сирийской транскрипцией греческого числа. Другой индивидуальной чертой является его обращение к читателю:

«Всякий кто возьмет эту книгу, чтобы списать с нее или чтобы читать в ней, или по причине подобной этой и не обратит своего учения (**ⲙⲟⲗⲓⲧⲁ**) под постановления 318 отцов, которые были собраны в Никее, будет сосчитан с разрушающими святилище. Бойся, человек, и не дерзай дабы не погибнуть» (fol. 2^a col. II).

Приглашая к изучению этого сочинения и днем и ночью, писец призывает благословение «молитвами той, которая воистину мать божия, Марии и всех святых» — формула возможная только в устах православного или монофизита.

Тип почерка этой приписки отнюдь не яковитский, и Беджан едва ли прав, характеризуя этим словом скоропись, встретившуюся в Страсбургской части.

Запись того же Сарги свидетельствует о том, что рукопись была им подарена в монастырь Мар-Моше (мар Моисея) на святой Синайской горе (fol. 2^a col. II). В Публичную Библиотеку листы попали из собрания Фпрковича.

Гуссен в своей заметке доказал православие Сахдоны теми отрывками, которые он привел. Сочинения Сахдоны по другим источникам не исчерпываются тем материалом, который содержит Страсбургская рукопись, он был плодовит и, по свидетельству Фомы Маргского, красноречив и писал вдохновенно (он указывает, например, на его надгробное слово мар Иакову из Бет Абэ). Что касается его советов мудрости, главная часть которых находится в Петербургской рукописи,¹ то подобная литературная форма не стоит одиноко ни в сирийской, ни в греческой литературе — это обычная форма для аскетических писаний в том виде, как они позже были собраны в «Добротолубии» восточных отцов. Эти предписания, духовные советы и изречения (например, св. Ефрема Сирина) преимущественно имеют в виду монаха и его «совершенную жизнь». Ту же цель преследовал, повидимому, и Мартирий. Его изречения носят известный философский оттенок, особенно их первая часть (Goussen, p. 34, от 1—6), где он углубляется в познание истины, природы. Вторая часть содержит его взгляды на человека и связь его с творцом мира. Ему близки представления Платоновой философии в соотношении идеи или прототипа к отображению или образу (§ 32—35). Он высказывает ряд аскетических требований отказ от ветхого Адама и

¹ Текст листов переиздана нами полностью на немецкий язык, с указанием цитат священного писания и кратким комментарием, и напечатан в *Oriens christianus*. 1927, p. 293.

восстановление потемненного образа, необходимость добродетели, любви в особенности. Смерть имеет для него особое значение, в его сознании, как и вообще у сирийцев, она двойственна и может быть не только телесной, но и духовной (развитие идеи ап. Павла). Смерть — исходный пункт его сотереологии, через нее стало возможно восстановление чрез воскресение всей человеческой природы (§ 26). Хотя каждое изречение и имеет самостоятельный смысл и значение, но они построены так, что каждое предыдущее является ступенью к следующему — в их расположении есть стройность и внутренняя логика.

Глубже всего Сахдона захвачен идейным строем Павла, из него у него извлечены почти все цитаты этих советов (он упоминает еще только Пс. 4813). Цитаты его, однако, приблизительны, видно, что он их приводит по памяти, но состояние их не оставляет сомнения в том, что они извлечены из Пешитты.

Не лишена интереса возможность поставить Мартирия Сахдону и его произведения в известную историческую рамку, которая даст возможность дать им правильную оценку.

В 627 г. византийский император Ираклий разбил на голову персов недалеко от Мосула. Необходимость в мирных переговорах была очевидна, и Шерое, сын Хозроя II Парвеца, начал их вести, но они были прерваны его смертью. На престоле его сменил его сын, мальчик Ардашир. Один из военачальников Ферухан (= Хорьям, Росмиозан, Сарбарос), захватив часть персидских войск и имея поддержку византийских военных сил, двинулся и разбил войска Ардашира и захватил власть, которую удержал в своих руках на 40 дней. Отсылая обратно римские войска (630) Ферухан отдал им и животворящий крест в дар императору Ираклию.

На то, что крест был возвращен с римскими войсками, помогавшими Ферухану (Сарбаросу) в захвате престола, указывают следующие свидетельства:

1) Guidi, *Il nuovo testo syriaco* p. 25. *Actes du 8-me Congrès International des Orientalistes. 2-me partie. Leide. 1893.*

«Один из полководцев, который прилепился к Ираклию кесарю, по имени Ферухан, когда услышал, что воцарился дитя Ардашир, приготовил войска римские и персидские и отправился в Махозе, победил персидское войско и убил Ардашира. И он (Ферухан) отпустил ромейцев, которые пришли с ним, и они отправились к Ираклию. И он послал с ними Ираклию древо креста Господня, взятое из Иерусалима и находившееся в персидской сокровищнице, и много даров без числа».

2) Антиох Стратиг, *Пленение Иерусалима персами в 614 г.* Изд.

Н. Я. Марр. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Кн. IX. СПб. 1909 г. Перевод стр. 65.

«В лето же семнадцатое после пленения Иерусалима, в третий год по убиении Хозроя, в двадцать первый год по воцарении Ираклия, третьего индикта, персидский военначальник Росмиозан убил персидского царя Ардасира, о котором мы упомянули раньше. Росмиозан завладел царством, подружился с греками, пожаловал царю Ираклию животворящий крест Христа в благодарность, как сокровище всего мира и как обогащающий дар».

3) *Νικήφορος, Ἱστορία σύντομος* Ed. de Boor, p. 21. «..... καὶ πᾶσαν τὴν ἀνατολικὴν γῆν Ῥωμαίοις ἀποδίδωσι Σάρβαρος τοὺς ἐκεῖσε Πέρσας ἐξελὼν τὰ τε ζωοποιὰ ξύλα πρὸς βασιλέα στέλλει».

4) Себеос, История императора Иракля. Перевод Патканьяна. СПб. 1862, стр. 110. «Тогда блаженный Иракл отправил к Хорьяму за крестом господним. Хорьям едва успел отыскать его, после больших трудов вручил его мужам, пришедшим за ним».

Против приведенных данных говорят следующие источники:

1) Tabari-Nöldeke, *Geschichte der Perser*. Leiden. 1879. p. 391. Крест передан посольством Ишо-яба II при царице Боран.

2) Thomas Margensis, *Historia monastica*. p. 69. Знает только о посольстве Ишо-яба II при Шерое, о кресте нет речи.

3) Theophanus, *Chronographia*. Ed. de Boor. Lipsiae. 1883, v. I p. 327. Возвращение Шерое (ὁ Σιρόης) пленных Ираклию и честного и животворящего древа, взятого из Иерусалима.

Предпочтение конечно необходимо отдать первой группе источников и их единодушному свидетельству, и не представляется возможным соглашаться с доводами проф. В. В. Болотова, приведенными им в статье: «К истории императора Ираклия». (Византийский Временник, том XIV, вып. I, 1907 г. СПб. стр. 85 и след.), которому не был еще известен (ум. 1900 г.) такой первостепенной важности памятник, как Антиох Стратиг.

Сложная и неясная хронология поддается восстановлению только путем тщательного анализа.

Хронология по Антиоху.

Смерть Хозроя в марте.

15 г. пленения Иерусалима.

= 19 г. царств. Ираклия.

= 10 индиктиону.

Хронология по Табари.

Смерть Хозроя в Адаре месяце,

в день Мах после 38 л. правления.

Смерть Шерое в сентябре.	Правление Шерое — 8 месяцев.
Правление Ардашира длится 3 месяца.	Правление Ардашира — 1 год 6 месяцев.
Смерть Ардашира в 17 году пленения Иерусалима.	Смерть Ардашира на втором году правления в месяце Бахмане в ночь дня Абан.
= 3 г. после смерти Хозроя.	
= 21 г. Ираклия.	
= 3 индиктиону.	
Воздвижение креста в Иерусалиме 21-го марта того же года.	Правление Шахрбараза (Росмиозана) — 40 дней.
	Правление Бораны — 1 год 4 месяца.

Хронология анонимной хроники Гвиди совпадает с хронологическим порядком Табари — Хозрой умирает через 38 лет правления, царствование Шерое длится 8 месяцев, Ардашира 1 г. 6 мес. и Ферухана 40 дней. Более подробных дат дней и месяцев хроника не дает. Как у Антиоха, так и у Табари есть свои ошибки в вычислении. Две даты, от которых ведется счет, стоят твердо: год пленения Иерусалима 614 г. и год смерти Хозроя февраль — март 628 г. (В числе многих данных мы имеем указание Фомы Маргского, vol. I, p. 42 — год воцарения Хозроя 901 г. греческого счисления, след. 590 г. и 38 л. царствования).

По Антиоху от смерти Хозроя (в 15 г. пленения Иерусалима) до воздвижения креста (в 17 г. пленения Иерусалима) проходит два года, между тем время царствований, приведенных им, заполняет время только одного года. 15-ый год пленения это 628 г. (614 г. считается первым годом плена Иерусалима), таким образом 17-ый год есть 630 г. Царствования же Антиох подсчитывает следующим образом: март — смерть Хозроя, сентябрь — смерть Шерое, царствование Ардашира длится 3 месяца, его смерть следовательно падает на декабрь (может быть январь); наконец 21 марта следующего года воздвижение креста в Иерусалиме, то есть ровно год со смерти Хозроя. Эти выкладки находятся у него в противоречии с указанием на 17-ый год пленения Иерусалима, как год водворения креста в Иерусалиме.

Табари дает другие указания: 29 февраля 628 — смерть Хозроя, правление Шерое длится 8 месяцев (как и в хронике Гвиди), следовательно его смерть падает на октябрь (у Антиоха сентябрь), правление Ардашира 1 г. 6 месяцев, следовательно его смерть падает на март — апрель второго года правления (Табари дает точное число месяц Бахман в ночь дня Абан—

Nöldeke—27 апреля 630 г.); царствование Шахрбараза (Ферухана) 40 дней, его смерть следовательно апрель—май того же года. Так от смерти Хозроя до воцарения Ферухана проходит два года—628—630 г.

Неточные сведения Табари относительно возвращения креста с посольством Ишо-яба II от царицы Боран вполне понятны, так как в этом вопросе он не был заинтересован.

Эти данные хронологии подтверждаются в общем счете и у Феофана (Theophanus, Chronographia, ed. de Boor, v. I, p. 327 и сл.). Известие о смерти Хозроя и переговоры Шерое с Ираклием находятся под 6018 г. (628), а перевезение креста в Иерусалим под 6020 (630), т.-е. от смерти Хозроя до воздвижения креста сохраняется двухлетний срок.

В противоречии с общим расчетом находится только дата смерти Ардашира у Табари, хронология которого доставляет не малые затруднения.

Месяц Адар, в который умер Хозрой, соответствует второй половине февраля и первой половине марта. Тогда месяц Бахман, в котором умер Ардашир, 11-ый месяц персидского года, соответствует второй половине апреля и первой половине мая. День Абан, названный у Табари, — 10-ый день месяца.

Начало персидского года в эре Яздегерда (с 632 г.) считалось 16-го июня, по аналогии считают, что и в предыдущем счете, до его реформы, персидский год сместился и, вместо начала весной, считал это начало летом. Если считать, что вставка эпагомен могла происходить после последнего персидского месяца, то смещения на пять дней возможны, но и они не могут дать желаемого — дата смерти Ардашира по Табари остается несоответствующей тому, что известно через Антиоха Стратига и другие источники. Между тем дата смерти Шерое стоит твердо, правление его длилось от 6—8 месяцев (по различным данным). Антиох Стратиг считает месяцем его смерти сентябрь. Арабские данные считают 15-е сентября временем смерти Хозроя ошибочно, это дата смерти Шерое, которая вполне подтверждается Стратигом.¹ Монеты Шерое, помеченные вторым годом, объясняются тем, что годы правления персидских царей считались так, что с началом календарного года начинался уже счет следующего (2-го) года правления. Если считать, что месяцем смерти Шерое был сентябрь 628 г., то смерть Ардашира должна была произойти через 1 г. 6 мес. — срок, который всеми источниками согласно считается сроком его правления (исключение составляет Антиох, на его просчет выше уже указано).

¹ Gutschmid, Kleine Schriften, В. III. Über das Iranische Jahr, p. 205. Leipzig, 1892.
Зап. Коал. Вост., т. III.

Таким образом середина марта 630 г. (а никак не апрель) является временем смерти Ардашира. Дата указанная Табари или приведена им неправильно, или расчет календарного персидского года все еще недостаточно точен.¹

С лета 630 г. престол «царя царей» перешел к женщине Боране, дочери Хозроя II (по Табарі, р. 390) и сестре Шерое (по хронике Гвиди жене Шерое. Нёльдеке полагает, что тут может быть описка, хотя не невозможно и то, что она одновременно была и женой Шерое, по принятому там обычаю). Царствование ее длилось 1 год и 4 месяца (от лета 630 г. до осени 631 г. Табарі—Nöldeke, р. 435). Она решила продолжать мирные переговоры с Византией и в качестве послов на счет и на содержание персидского государства (как подчеркивает Фома Маргский) она посылает несторианского католикаса Ишо-яба II (из Гедалы) и с ним группу епископов. Посольство было отправлено в 630 г. (не ранее осени), и животворящего креста с ним не было. По сообщению хроники Гвиди в состав посольства Ишо-яба II входили: Кириак епископ Низибийский, Гавриил из Карка де Бет-Селох в Бет-Гармай, Марута из Густры, а Фома Маргский присоединяет к ним имена двух друзей, а впоследствии смертельных врагов, Ишо-яба, епископа Нинивийского, будущего католикаса Ишо-яба III и Сахдона, епископа Махозе д'Ареван в области Бет-Гармай. Сахдона или бар Сахда, впоследствии изменивший свое имя на греческий лад в Мартирия или Мартириуса, происходил из селения Халмун, из области Бет-Нуахра, и учился в школе мар-Айталаха, как сообщает Ишо-денах в «Книге Целомудрия». Высшее образование он получил в Низибии (Thomas Margensis, I, р. 110), где и встречался с Ишо-ябом (III), с которым вступил в дружеские отношения. Монашескую жизнь он начал под руководством мар Иакова из Бет Абэ, любимого героя Фомы Маргского, которому Сахдона посвятил прекрасное надгробное слово. Мар Иаков был также учителем Ишо-яба (Thomas Margensis, I, р. 124). Позже Сахдона присоединился к Камишо, который по благословиению мар Иакова был строителем монастыря в горах Хефтуна, в Сафсафе.

О проникновенно-аскетической и полной подвигов жизни Мартирия согласно говорят оба близкие по времени к его жизни источника, как Иосиф Хузайя в «Рае восточных монахов», труд которого был сокращен Ишо-денахом в «Книге Целомудрия», так и история монаха Бар-Идты, которая была использована Фомой Маргским (Thomas Margensis, II, р. 110). Чистота его жизни, образованность и талантливость вызвали

¹ Ginzel, Handbuch der mathematischen und praktischen Chronologie. B. I.

к нему внимание и Ишо-яб II (из Гедылы) поставил его епископом в Махозе д'Ареван в области Бет-Гармай. В качестве такового он и был членом посольства, отправленного в «Ромейские земли». Переговоры с Ираклием в 630 г. происходили в Алеппо и по согласным свидетельствам привели к желаемым результатам. Персии был обещан мир, условия которого однако неизвестны. Между тем Ишо-яб (III, из Адиабены), Иоанн епископ Скаттерда Дамаской области, весьма чтимый старец, и Мартирий-Сахдона, будучи в Апамее (на р. Оронте, теперь Калат-ал-Мудик), пожелали вступить в словесное состязание с монахами находившегося там монастыря, который назван Фомой Маргским, передающими все эти подробности, «еретическим», он мог быть или монофизитским или православным, судя по событиям, которые последовали в жизни Сахдоны, монастырь был православный. Состязание окончилось торжеством несториан — сведение едва ли вполне достоверное в устах несторианского же свидетеля (Thomas Margensis, *Historia monastica*, vol. I, p. 72, vol. II, p. 129). Огорченные братья монастыря обратились тогда к старцу, который был их архимандритом, жалуюсь на то, что восточные епископы из посольства персидского царя разбили их доводы в пользу исповедуемой ими догмы. На это старый архимандрит предложил несторианским епископам вступить в спор с ним самим, отчего однако и Ишо-яб, и мар Иоанн уклонились, что едва ли указывает на блеск их предыдущей победы. На это предложение согласился один Сахдона, но поплатился за это твердостью своих несторианских убеждений. Фома уверяет, будто старый архимандрит был чародеем и колдовством овладел сознанием Сахдоны. Но сам не замечая того он опровергает свою клевету, указывая на глубокое и сильное переживание. Когда Сахдона вошел к архимандриту «и увидел седины его и старость, то он склонил свою голову под его десницу»¹ — иначе говоря принял его благословение. И с той поры «правильная вера» Сахдоны, с несторианской точки зрения, была нарушена, постепенно он стал изменять старые взгляды и писать книги, в которых высказывал противоречия несторианству.²

Обращение Сахдоны было однако не так просто. Положение всего несторианского посольства в «Ромейской земле» было очень затруднительно. Хотя Фома и уверяет, что они были приняты, как «ангелы Божии»,³ однако не даром Бар-Эбрей сообщает, что прехав к византийскому императору и спрошенные об их вере, сирийцы сделали вид, что исповедуют ее

¹ Thomas Margensis, *Historia monastica*, v. I, p. 73, vol. II, p. 130 ܡܫܚܐܘܠ ܩܡܐ . . .

ܩܡܐ ܕܡܫܚܐ ܡܫܝ ܕܐܝܟܐ. ܐܡܬ ܡܫܚܐܘܠܐ

² Id., v. I, p. 37, vol. II, p. 130.

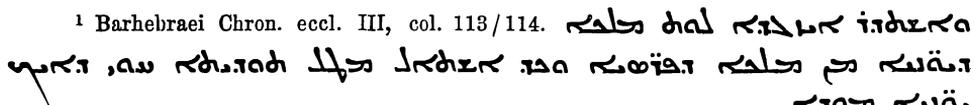
³ Id., v. I, p. 70, v. II, p. 127.

так же как греки.¹ Несториане подтвердили приемлемый для греков символ веры, после чего Ишо-яб II был допущен к совершению литургии и император причащался из его рук.² Когда об этом узнали в митрополиях и епархиях Сирии, то были этим обижены и перестали почитать Ишо-яба II. Когда посольство возвратилось, дело постарались замять. Однако Бар-Саума епископ Шушинский написал Ишо-ябу II письмо, в котором вполне основательно заявлял: «если бы ты не анафемствовал просвещенную троицу церкви: именно Диодора, Федора и Нестория, и не принял бы Кирилла, и не принял бы его слова „богородица Мария“, никогда не допустили бы тебя греки совершать таинство на их престоле».³ Очевидно, что в период пребывания посольства в греческих областях члены его испытали давление не только политических обстоятельств, но и определенного мировоззрения, другого церковного строя и новых догматических формул. Это привело к известному сдвигу сознания, Ишо-яб II поддался греческому влиянию и сделал уступки, в которых политические соображения играли не последнюю роль, но его мягкость в отношении Сахдоны, как и спокойствие других епископов, говорит быть может о пробудившейся симпатии к византийской церкви.

Сахдона глубже воспринял новое влияние, оно коренным образом меняет его мировоззрение, но при этом он остается епископом несторианской церкви, что видимо не противоречило его религиозной совести. Не лишено вероятно, что им руководило желание оправославить свою епархию, упрек, который бросает ему Ишо-яб III в послании к епископу Хормизду.

Во всяком случае обращение Сахдоны в 630 г. не связано ни с какими внешними действиями, он только начинает развивать новые взгляды устно и в своих литературных произведениях, и это обращает на него внимание врагов.

Ишо-яб Адиабенский, будущий католикос, третий носящий это имя, сначала товарищ и друг Сахдоны, потом враг, не спускает глаз с его жизни и действий, не может однако быть мерилом хотя бы в нравственном отношении. В бытность свою в Антиохии он пленился ларцем (*γλοσσόκομον*).

¹ Barhebraei Chron. eccl. III, col. 113/114.

² Maris Amri de patriarchis nestorianorum commentaria. Ed. Guismondi. Roma 1899. Pars I, p. 54.

³ Barhebraei o. c., III col. 115/116. Текст посланий Бар-Саумы на арабском языке сохранился в хронике Сеерта (Chronique de Seert. Patrologia orientalis, t. XIII, p. 561).

необходимости, которое он от меня и подобных мне скрыл».¹ Будучи в Махозе д'Ареван «по повелению временных (= светских) властей», Ишо-яб вспомнил, что ему что-то говорили о сочинении Сахдоны, потребовал его на просмотр и нашел его дурным (ܕܟܠܡܐ): «я выбрал его домашним образом и втайне сильным гневом, и когда он следовательно был потрясен силой выговора, он пообещал исправление того, что дурно написал».²

После этого выговора Ишо-ябом было написано письмо к Сахдоне «возлюбленному брату», которое сохранилось. (Письмо к Сахдоне хронологически предшествует посланию к клиру Махозе д'Ареван). Он пишет «я определил тебе время для дела гораздо больше чем было необходимо для дела, чтобы ты вставил должное». . . после чего Сахдона должен был прислать или доставить ему свое сочинение, чтобы он мог его просмотреть после исправления — для этого он дал ему месячный срок. «И вот с того времени прошло и четыре месяца и не только исправление твоего дела не доставлено мне, но также и ни слова, или письма об этом».³ Боясь чтобы Сахдона окончательно не впал в «сатанинскую ересь» Ишо-яб посоветовался со своими единомышленниками «братом нашим мар-Павлом, главой монастыря нашего», т.-е. Бет-Абэ и братьями, «которых я послал к тебе, чтобы они отправились к тебе с письмом по любви духовной и узнали качество (ܩܘܠܘܬܗܝܢ ܩܘܠܘܢ) твоего дела и принесли мне это преткновенное сочинение, исправлено ли оно, как ты обещал. И если ты не исправил в виду трудности изменения твоего обычая (plur.), так ты, о брат, если ты можешь придти ко мне, приходи, ибо это спешно, и принеси с собой то, что ты написал. А если не можешь придти, пришли мне твою книгу, как она есть, чтобы я знал, из наших ли ты или из врагов».⁴

Увещая его далее, Ишо-яб напоминает ему о факте, который указывает на то, что и до Сахдоны в несторианстве появлялись лица тяготевшие к православию. Мар-Хенан-ишо, «человек Божий», писал опровержение еретических (= православных) взглядов Исаии Тахаленского,⁵ против которого «живым словом» боролся настоятель монастыря Бет-Абэ мар Иаков. «Второй Илия» и «пламенный пророк» мар-Бабай вторично письменно опровергал его, но Исаия Тахаленский не внял этим увещаниям и был причислен к еретикам.

¹ Id., o. c., p. 126.

² Id., o. c., p. 126²²-25.

³ Id., o. c., p. 132¹²-15.

⁴ Id., o. c., p. 132¹⁹-20.

⁵ Chronique de Seert. Patrologia orientalis t. XIII p. 534. Baumstark, Geschichte der syrischen Literatur. Bonn. 1922 p. 134.

Ишо-яб напоминает также о своей книге, называемой «Опровержение мнений», которая была им посвящена «блаженной памяти отцу нашему мар Иоанну, епископу великому митрополиту Бет-Лапата».¹

Ишо-яб вступает с Сахдоной в догматический спор, выражает заботу о том, чтобы он не погубил своего доброго имени, так как пока об этом деле знают очень немногие. Для позиции Сахдоны, которая тогда не выводила его окончательно от несториан, очень характерно то, что язвительно говорит ему враг о его книге «Против еретиков». «Но знай, о блаженне, что книга, надписанная „против еретиков“ и которая где-либо открывает широкий вход для еретических мнений» — этим самым дает повод причислить ее к книгам еретическим. «Ибо сами еретики не во всем еретики, но кое в чем еретики, во многом же ортодоксальны и право исповедующие, это и относительно твоего ответного слова справедливо, когда ты говоришь: «я во всем ортодоксален, как должно».²

Это письмо Ишо-яба к Сахдоне, содержание которого «Книга Целомудрия» кратко передает словами «откажись от своего мнения», возымело свое действие. В присутствии братьев из Бет Абэ, доставивших ему письмо, обвиняемый вырвал из своей книги 16 глав (ܩܘܕܫܐ) и написал Ишо-ябу ответ.³

Действительно ли так обстояло дело? В таком случае порыв Сахдоны прошел быстро, так как он «тотчас после ухода от него благочестивых братьев взял мое письмо к нему и представил его тщательно главе честнейшей», т.-е. католикосу Ишо-ябу II, который по своей «доверчивости» мог быть единомыслен с Сахдоной.⁴ Осторожные выражения Ишо-яба III, тогда еще митрополита, не дают ясного представления о положении вещей — одно несомненно, что Сахдона в своем православии опирался на сочувствие части клира и в частности самого мар-католикоса.

С момента избрания «отцом отцов» Мар-Аммеха⁵ крайняя несторианская группа повидимому повела более решительно свою политику, по крайней мере, только при этом католикосе собрались обсудить вопрос о Сахдоне, т.-е. не ранее чем через 14 или 17 лет после его обращения. «Собрались отцы к Мар-Аммеху католикосу и анафематствовали его и разорвали исповедание его и поставили вместо него епископом мар-Сабху».⁶

¹ Išoyabh III, o. c., p. 13325-29.

² Id., o. c., p. 13711-12.

³ Id., o. c., p. 12712-15.

⁴ Id., o. c., p. 12722-25.

⁵ По хронике Гвиди от 644—647 г.; но может быть и годы 647—650; о колебаниях см. Baumstark, o. c., p. 197 и 221.

⁶ Chabot, Livre de chasteté. § 127.

и глубокая религиозная природа Сахдоны не могла пережить разрыва с церковным телом, но его возвращение к митрополиту Гермекайскому, которому была подчинена его епархия, не было покаянием, а скорее попыткой вступить в переговоры.

Однако Сабр-Ишо не мог вернуть его на кафедру, но возможно, что присоединение его к несторианской церкви совершилось, так как даже Ишо-яб признает, что его принимали обратно неоднократно. Но Сахдона, неудовлетворенный и вероятно находившийся под постоянным подозрением, уезжает из Сирии и отправляется к императору Ираклию, который как раз в это время был в Иерусалиме. Сахдона пожаловался на то, что он гоним восточными епископами за правую веру. Свое исповедание (символ веры) он провозгласил в церкви и анафематствовал Диодора и «иже с ним». Это было его официальным присоединением к православию и возможно, что именно тогда он изменил свое сирийское имя на греческий лад.

Ираклий был заинтересован в борьбе с монофизитством, процветавшим в западной Сирии и особенно давшим себя почувствовать в Эдессе,¹ куда и был направлен епископом Мартирий, как защитник исповедания Халкедонского собора. Однако и здесь он недолгое время оставался пастырем. Монофизитская ли клевета, или действительное колебание догматического сознания Мартирия, которое вместе с современным ему церковным течением только еще вырабатывало и выковывало ортодоксальную точку зрения, а потому колебалось между крайностями, но только на него был сделан донос Ираклию, в котором говорилось, что он проводит учение Диодора: Результатом этого было его изгнание из Эдессы. Теперь Мартирий возвратился к Мар-Амеху² и «просил отпущения» (ܩܘܪܒܐܢܐ ܕܥܘܢܐ). Католикос был близок к тому, чтобы назначить его на старую его кафедру в Махозе д'Ареван, которая была вакантна после смерти мар-Сабхи, так как Сахдона был аскетом и человеком добродетельной жизни.³ Этому воспротивился все тот же старый враг, пославший новое предупреждение отцам, следствием которого было уже окончательное изгнание Мартирия. «Книга Целомудрия» сообщает, что Ишо-яб писал католикосу Мар-Амеху — вероятно это то послание, которое значится в его сборнике, как «Письмо к епископам Бет-Гармай» о Сахдоне (№ 30), так как содержание его совпадает с тем, что сообщает об этом Ишо-денах.

¹ Michel le Syrien, Chronique. Ed. Chabot, tome II, fasc. 3. Paris 1904. Texte, p. 408/409. Traduction, p. 411/412.

² Во всяком случае не позже 650 г.

³ Chabot, o. c., § 127, p. 68.

Известная независимость и внутреннее достоинство в поведении Сахдоны его раздражает:

«Итак ни Сахдона не просит о вхождении в церковь, и я не знаю, кому это понадобилось писать, спрашивать, говорить или просить о вхождении такого, как он»¹ пишет он епископам Бет-Гармай.

«Восемь раз принимал Сахдона исповедание церкви и анафематствовал их (т.-е. православных) заблуждения на общем соборе, три раза из них (с) подписью руки и знаком (= печатью), а пять раз из них громким голосом, среди собора, и после каждого раза, восемь раз изменял и возвращался как пес на свою блевотину».²

Это свидетельство Ишо-яба, наряду с тем что книги Сахдоны сберегались у отдельных лиц,³ говорит о том, что у него были глубокие и живые связи с сирийской церковью, которые не легко могли быть расторгнутыми, и что догматические воззрения Сахдоны не так уже далеко уклонялись от взглядов известной части деятелей этой церкви, и что в данном случае мы имеем дело с движением догматического сознания в несторианстве, в роде того, которое было поднято Хенаной Адиабенским. Вопрос остается открытым относительно того, какие пункты учения византийской церкви он анафематствовал, и не те ли крайние формулировки Кирилла Иерусалимского, от которых потом отказалась православная догматика.

Ишо-яб настаивает на том, чтобы Сахдона не получал вновь официального положения в сирийской церкви, которую он в достаточной степени скомпрометировал тем, что наводнил землю книгами хулящими несторианскую веру и ее учителей, анафематствует, бранит и поносит ее. «Уважаемый епископ» поехал проповедовать в Иерусалим и по всей «земле Ромейской», возвестил, что несториане его изгнали, так как его вера не совпадает с их верой. Горячность, с которой митрополит уговаривает епископов Бет-Гармай остаться твердыми в этом вопросе, наводит на мысль, что с их стороны была поддержка и ходатайство за Сахдону. Как о новом чуде сообщает им Ишо-яб о том, что Кирилл Иерусалимский вычеркнут из диптихов — это было следствием поворота религиозно-общественной мысли от монофизитства, на котором она фиксировалась. Ишо-яб считал, что реакция пойдет глубоко и закончится торжеством диофизитства.⁴ Тем более были основания не церемониться с Сахдоной.

¹ Išo'yabh III, o. s., p. 208₂₆₋₃₀.

² Išo'yabh III, o. s., p. 209₂₃₋₂₈.

³ Одна из рукописей Берлинской библиотеки 1725 г. на ряду с отрывками из разных несторианских писателей цитирует fol. 65 *καλωσκα βιβλη εσταδω* Išo Sachau, Verzeichnis, p. 316.

⁴ Išo'yabh III, o. s., p. 211 sqq.

ными, он скупом мог быть сохранен в своих произведениях для истории. Часть его сочинений, надгробные речи Иакову и Иоанну настоятелям Бет-Абэ, ряд глав из книги о монашеской жизни утеряны. Лишь в одной рукописи, о которой речь шла выше, и еще в некоторых отрывках сохранились писания этого мученика за идеи.

Н. Пигулевская.

Ноябрь 1926 г.